

Яков Минченков

**Дубовской Николай
Никанорович**

Яков Данилович Минченков
Дубовской Николай
Никанорович
Серия «Воспоминания
о передвижниках»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2447065

*Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках: «Художник РСФСР»;
Ленинград; 1965*

Аннотация

«Жизнь Товарищества передвижных художественных выставок постоянно регулировалась людьми, хранившими заветы передвижничества, его идеологию. Долгое время эту роль исполнял Совет, состоявший из членов-учредителей, а после упразднения Совета руководящим органом стало Правление, вернее – отдельные лица из его состава, преданные делу Товарищества и пользующиеся особым авторитетом. Одним из таких, а в последние годы единственным, был Дубовской, впитавший в себя традиции Товарищества и крепко стоявший на страже всех его интересов...»

Яков Данилович Минченков Дубовской Николай Никанорович

Жизнь Товарищества передвижных художественных выставок постоянно регулировалась людьми, хранившими заветы передвижничества, его идеологию.

Долгое время эту роль исполнял Совет, состоявший из членов-учредителей, а после упразднения Совета руководящим органом стало Правление, вернее – отдельные лица из его состава, преданные делу Товарищества и пользующиеся особым авторитетом.

Одним из таких, а в последние годы единственным, был Дубовской, впитавший в себя традиции Товарищества и крепко стоявший на страже всех его интересов.

Правда, он не играл такой исключительной организаторской и руководящей роли, как Крамской или Ярошенко, – для этого у него не было той силы характера и некоторого деспотизма, как у последних, – у него была более мягкая натура, и при своей деликатности и скромности он не мог держать в своих руках товарищей, но его влияние все же тонко разливалось по всему организму Товарищества и держало

его в определенных рамках.

Будучи представителем старшего поколения передвижников, он сглаживал резкие грани между старыми и молодыми членами Товарищества и действовал примиряюще.

Ни старики, ни молодые не могли сказать «он наш»; Дубовской принадлежал всему Товариществу и среди всех направлений в искусстве передвижников выбрал себе среднее, считая его наиболее верным и жизненным.

Оберегая свято идеал передвижничества и высоко ценя заслуги стариков, он давал правильную оценку и молодым силам, радовался всякому искреннему новому дарованию.

В чем была его вера, каким было все его внутреннее содержание – я узнавал постепенно, но мере знакомства с этим передовым человеком, одаренным тонким умом и сердцем.

Первая моя встреча с Дубовским произошла в 1898 году, когда я, вернувшись из путешествия по России с параллельной выставкой, должен был отправиться с отчетом к Дубовскому как члену Правления Товарищества.

Жил он тогда на Екатерининском канале и занимал большую мастерскую и несколько малых комнат. Одна из них была приемным кабинетом, увешанным по стенам картинами и обставленным хорошей мебелью: кожаные диван и кресла, круглый стол с альбомами и вазами, в которых были цветы с тонким ароматом.

Здесь и принял меня Дубовской, с которым пришлось беседовать довольно долго.

Первое впечатление от Дубовского у меня было чрезвычайно сложное. Он был большого роста, с умным и деловитым выражением лица; высокий лоб его как бы напрягался мыслью. Речь Николай Никанорович вел четкую, деловую. Но в то же время, затрагивая отвлеченные вопросы искусства, он отрывался от реальной действительности и, переходя в область философии, погружался в особый, потусторонний, идеальный мир.

Мне невольно подумалось: это не москвич-художник, не московская простота, в которой мне приходилось вращаться; Дубовской – питерец, рангом выше москвичей, и с ним надо быть осторожным, чтобы не наговорить лишнего и не показаться смешным.

Но разговор Николай Никанорович вел в чрезвычайно деликатной форме, вызывая к себе уважение и симпатию.

Параллельная выставка, с которой мне пришлось путешествовать, была послана по малым губернским городам исключительно в целях пропаганды искусства без всяких расчетов на материальные выгоды. Она не могла оправдать расходов по своему передвижению, и Товарищество несло убытки.

Когда я указал на это Дубовскому, он ответил:

«Вы говорите о материальном. Да, мы это предвидели и с этим считаемся. Конечно, мы, художники, – люди, и должны есть и пить, чтобы жить и работать по искусству, а для этого необходимы для нас и деньги с выставок; но мы не забываем

и главного, для чего мы живем и для чего существует искусство. И разве не важно то, что в своей главной, конечной цели мы приобрели там, в глуши, людей, с нами ведущих беседу, нас понимающих и разделяющих наши радости. Для этого, право, стоит уделить часть из того, что мы получаем от нашего общества заработка. Мы, передвижники, так на это смотрим и просим вас не огорчаться материальным неуспехом, а радоваться нашей победе».

В дальнейшей нашей беседе об искусстве, в которую мы незаметно втянулись, у Дубовского появились особо тонкие и сложные мысли, которые я еще недопонимал или он не ясно для меня их формулировал. Вечером, возвращаясь от Дубовского по пустынной набережной канала, я долго раздумывал о новом знакомстве, о новом типе художника. Дубовской представлялся мне разумным, деловым, прекрасным человеком и в то же время каким-то абстрактным. Последнее определение хотя и показалось мне несуразным, но я оставил его для себя в своей памяти.

И впоследствии мне казалось, что в натуре Дубовского было реальное и человеческое, что связывало его с жизнью, чем он от нее питался в своем творчестве, и было нечто другое, не совсем ясное для меня, – его идеализм, скорее романтизм, отход от прозы жизни, стремление перешагнуть грань реального и уйти в особый мир отвлеченной мысли и мечты, которые не увязывались с действительностью. Тогда он замыкался в себе, становился, как я его назвал, абстрактным и

непонятным, скрытым для многих, которые пробовали подойти ж его многогранной и тонкой натуре со своей простой меркой.

Он обладал сильной волей и упорно шел к намеченной цели. Еще мальчиком, учась в военной школе, он вставал с постели на два часа раньше других, чтобы тайком заниматься своим любимым делом – рисованием. Его увлечение искусством заставило директора школы посоветовать его отцу послать сына учиться живописи. Семнадцатилетний Дубовской был отправлен в Петербург, где поступил в Академию художеств. Учителем его был профессор по пейзажной живописи М. К. Клодт. В Академии Дубовской пробыл четыре года и получил четыре серебряные медали. Еще будучи учеником, он выставлял картины в классе учеников Академии и в Обществе поощрения художеств. В 1881 году он оставил Академию, учителем его становится одна природа. В 1884 году Дубовской показывает свою картину «Зима» на передвижной выставке.

Его произведение явилось крупным событием в области пейзажа. Никто до него не передавал в красках так правдиво свежесть первого снега, налет легких к вечеру теней на нем и последних световых пятен. В картине не холодная передача натуры – в ней художник ведет свой рассказ, свою беседу с природой и заражает зрителя своими переживаниями. Картина полна глубокого, искреннего чувства.

Сам Дубовской не придавал особого значения своей кар-

тине; при оценке он назначил за нее семьдесят пять рублей, и только товарищи, восхищенные его работой, заставили его изменить цену на пятьсот рублей. Дубовской думал, что над ним шутят, и поверил своему успеху лишь тогда, когда Третьяков приобрел за эту сумму картину в свою галерею.

Еще более выявил себя, свое *credo* художник в картине «Ранняя весна» (также находящейся в Третьяковской галерее). Здесь он еще глубже ведет рассказ о природе, рассказ о том, как в первые теплые весенние дни наливаются почки на молодых деревьях и в лучах весеннего солнца нежатся куры и разгребают садовые дорожки.

Рассказ правдив, согрет добрым чувством и выражен в самых скромных формах без всякой погони за эффектом или нарядной живописью. У художника главная цель – не как говорить, а о ч_е_м говорить в картине. Форма, краски – не самодовлеющая цель, а лишь язык для рассказа, средство для выражения идеи.

Дубовской еще застал вождей-идеологов передвижничества – Крамского и Ярошенко (особенно сблизился с последним) – и проникся их идеями.

В искусстве он видел могущественнейшее средство единения людей между собой и с природой, порывая с которой человек становится жалким калекой. Тех, кто не понимал искусства, не жил им и переживаниями от природы, он называл несчастными людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.